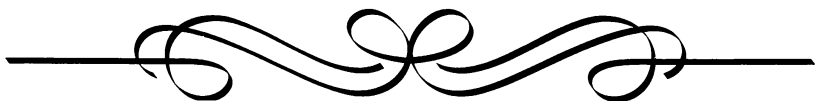

Глава V

*«Правительство
компромисса»*

Еще одно название, которое историки дали предполагаемому правлению Избранной рады, — это «правительство компромисса»; имеется в виду, что ни одна из сторон в классовой борьбе, которая якобы велась боярами, желавшими удержать свои земли, и служилой знатью, стремившейся поживиться их землей, не могла навязать свою политику. Адашев находился посередине между этими двумя социальными группами и поэтому мог стать орудием компромисса. Говорят, что он «вошел в правительство» в 1547 году, хотя в то время его официальный статус был не выше рынды, а его отец был еще окольниковичем¹.

В период между 1547 и 1558 годами царю и Боярской думе удалось осуществить ряд полезных внутренних мер и решить одну из важнейших внешнеполитических задач, стоявших перед предыдущими великими князьями Московскими, а именно — завоевать Казанское ханство, владевшее поволжскими землями, которые простирались до Каспийского моря².

Трудно сказать, в какой мере инициатива проведения внутренних мероприятий, которыми отмечены эти годы, принадлежала самому Ивану. Если допустить, что новые политические решения исходили не от влиятельных наставников, которые навязывали их молодому царю, в основном занятому развлечениями, то они представляются результатом скорее личного, нежели политического компромисса между различ-

ными придворными силами и кланами, в целом вполне разделявшими общие воззрения на политическую стратегию. Указанные меры были связаны с законодательством и отправлением правосудия, с распространением законов, действовавших в центре, на территории, приобретенной с момента составления последнего Судебника 1497 года (Рязань, Псков, Смоленск), с реформой местного управления, перераспределением прав собственности на землю для обеспечения исполнения военной службы, с некоторым сокращением церковного землевладения и улучшением внутрицерковной дисциплины. В этом перечне мер, направленных главным образом на наведение порядка, трудно различить классовое ядро. По мнению наиболее влиятельного историка этого периода³, главными сторонами конфликта были прогрессивный царь, стремившийся централизовать управление страной, и реакционные бояре, заинтересованные в сохранении раздробленной феодальной структуры. Поскольку ни одна из сторон не проявила систематической последовательности в достижении предположительно стоявшей перед ними цели, такое истолкование трудно принять.

Новые веяния в правлении, намеченные царем, были отражены в обращении, с которым он выступил 27 февраля 1549 года перед широкой аудиторией, состоявшей из митрополита, Церковного собора, Боярской думы и прочих бояр, служилой знати и, вероятно, представителей городского населения, так как дело было в Москве. По рассказам современников, Иван, который, видимо, всегда был склонен к драматическим эффектам, собрал выборных всех чинов и сословий из каждого города (что маловероятно) и, уединившись на некоторое время для молитвы и причащения, после воскресной обедни вышел во главе процессии бояр, церковных иерархов и вооруженных слуг на *Лобное место* (впоследствии прославившееся как место казней*) перед входом в Кремль, где народ ожидал его в полном молчании. Здесь царь торжественно обратился к митрополиту Макарию с просьбой о поддержке, в которой он нуждался, оставшись без отца и матери и не получая помощи от знатных людей. Иван просил у народа прощения за обиды, нанесенные им в период до его духовного возрождения, хотя и невольно, и, кланяясь толпе во всех направлениях, предлагал забыть прошлое и соединиться в любви Христовой⁴.

---

* Распространенное заблуждение: собственно на Лобном месте, служившем для торжественных церемоний, казни не производились.

Затем Иван обвинил бояр в том, что, правя от его имени, они угнетали и обижали служилое дворянство и знать, как и крестьян, и предупредил, что в будущем подобные злоупотребления поведут к опале и наказанию. Бояре, в свою очередь, просили царя предавать суду всякого, кто будет обвинен в подобных проступках. Эта речь была повторена царем на следующий день в присутствии высших военачальников и командиров, а также служилых дворян. Далее царь постановил, что отныне городские и провинциальные служилые дворяне подлежат суду *наместников* в провинциальных центрах только при совершении убийства, кражи или разбоя, если будут застигнуты на месте преступления. Надлежащие приказы были повсюду разосланы. Как политическая элита, так и придворная администрация были удовлетворены этим решением, которое переводило служилое дворянство под юрисдикцию столичных чиновников и даже самого царя, делая их неподсудными для провинциальных властей⁵. Следовательно, можно считать, что этот указ появился в результате процесса согласования интересов⁶.

Собор 1549 года фигурирует в советской историографии как первый в длинном ряду так называемых *Земских соборов*, на которые съезжались отдельные (или избранные) представители разных сословий, члены Боярской думы, церковного совета, придворные вельможи и высшие представители купечества. Его считают предшественником русского варианта сословных собраний, которые в то время существовали во Франции, Испании, Германии, Швеции и, разумеется, в Польше-Литве⁷.

В число прообразов Земского собора русские историки включают также английский парламент, но здесь сказалось современное непонимание природы английского парламента шестнадцатого века, о котором ниже будет рассказано подробнее⁸. Февральское собрание 1549 года приобрело чрезмерное значение благодаря настойчивым попыткам русских историков девятнадцатого и двадцатого веков увидеть в нем российские *Генеральные штаты*. В то время они были одержимы идеей представительных учреждений и демократии, которые вошли в моду, когда они писали свои книги, как символы современной политической системы. «*Февральское совещание 1549 г. (Собор примирения) было фактически первым Земским собором. Его созыв знаменовал превращение Русского государства в сословно-представительную монархию, создание центрального сословно-представительного учреждения*»⁹.

Автор этого высказывания А.А. Зимин допускает, что это учреждение еще не совсем оформилось, так как там не были представлены города и никого не выбирали, однако он считает, что в природе российского общественного устройства произошли существенные изменения, потому что законы теперь должны были издаваться и утверждаться представительным органом. Последующие события показали, что это было не так. И до, и после этого царь мог издавать указы по собственному произволу, хотя иногда те указы, которые имели, так сказать, национальное значение, он публиковал после формального обсуждения с членами своего личного совета¹⁰.

Политическую природу «ассамблеи» лучше объясняет концепция, выдвинутая историком Г. Вернадским. Он считал, что первое народное выступление 1547 года, — с которым был связан бунт после пожара в Москве и убийство Юрия Глинского, — могло быть порождено невнятными общинными воспоминаниями о прежней политической роли народного веча, средневекового неизбираемого городского собрания всех глав свободных семей, и что собрания, которые имели место в 1549, 1550, 1551 годах и т.д., следует рассматривать в качестве *церковно-земских соборов*¹¹. Эти ранние соборы не были «представительными», они созывались по воле правителя на время; они не имели узаконенного электората в лице сословий или других групп или учреждений. Если сослаться на слова английского историка, сказанные по поводу Англии, то «развитие парламента из расширенного варианта *curia regis** в некое подобие национального собрания — из «случайности» в «учреждение» — было, возможно, самым важным политическим достижением позднего Средневековья»¹². В России до семнадцатого века не наблюдалось ничего подобного. Созыв Земского собора 1566 года все еще был случайностью, а не проявлением работы учреждения. Первым собранием, с которого можно отсчитывать рождение настоящего политического института, был собор 1598 года, избравший Бориса Годунова на русский престол¹³. Но представление о двух разных политических организмах, короне и земстве, уже начало формироваться. Раньше все государственные вопросы обозначались как *государевы дела*, дела короны, а теперь они стали и *земскими делами*¹⁴.

---

* Царский двор (лат.)

Вскоре после обращения Ивана к московскому народу в феврале 1549 года Алексей Адашев был предположительно назначен главой нового ведомства по приему жалоб на злоупотребления (*челобитная изба*) во исполнение обещания Ивана о том, что он защитит народ от боярского произвола (этой должности в Англии и во Франции примерно соответствовала должность магистра прошений или *maitre des requetes*)¹⁵. Насколько известно, челобитная изба находилась в здании напротив Успенского собора, где служил Сильвестр. Отсюда, согласно Пискаревской летописи начала семнадцатого века, Адашев «*правил Русской землей*» и Сильвестр вместе с ним¹⁶. Сообщение из упомянутой летописи начала семнадцатого века о присутствии в этой избе Сильвестра привело историков к предположению, что он все время играл в ее деятельности ведущую роль. Однако следует отметить, что не все историки относят основание данного учреждения к указанному времени и не все согласны в том, что именно оно было тем центром, где собирали все прошения, и что оно было расположено именно в этом месте¹⁷. Во всяком случае сомнительно, чтобы рядовой священник мог быть должностным лицом.

На Макария действительно часто возлагалось управление Москвой, в то время как Иван находился за пределами города. Так было во второй половине 1549 года, когда царь с большим войском предпринял первую попытку завоевать Казанское ханство, а его двоюродный брат Владимир Старицкий (ему было только тринадцать лет) был назначен номинальным правителем под руководством митрополита Московского. В покоех Макария обсуждались политические вопросы, он, несомненно, присутствовал на некоторых заседаниях Боярской думы, а в отсутствие Ивана иногда принимал послов и занимался внешней политикой¹⁸.

Вторым крупным мероприятием нового «правительства» был пересмотр в 1550 году Судебника Ивана III, восходившего к 1497 году. Здесь русские и советские историки опять расходятся в оценке. В России не было судопроизводства в английском смысле слова (как и публичного преподавания права), хотя каноническое право, излагавшееся в Номоканоне и использовавшееся в церковной среде, прививало некоторые навыки правового мышления. Главы правительственных учреждений и официальные лица назывались судьями, а Боярская дума имела и судебные, и исполнительные функции. Ее члены подлежали суду своих коллег, которые обладали юрисдикцией в рамках своих полномочий.

Адашев мог участвовать в подготовке нового судебника; в это время он был казначеем, то есть хранителем *большой казны*, которая была одновременно публичной сокровищницей и главным архивом царя, но реальными правовыми познаниями не располагал никто, и указать того, кто играл главенствующую роль, невозможно¹⁹.

В новом своде законов содержалось много статей из прежнего кодекса. Его составители пытались навести порядок в отправлении правосудия, где царили коррупция и произвол; покончить с разбоями, установить общественное спокойствие и определить статус различных общественных групп, в частности, ввести компенсацию за ущемление достоинства, соразмерную положению потерпевшего. Судебник оговаривал условия ухода крестьян от их хозяев в Юрьев день (26 ноября) и рассматривал вопросы, связанные с личной зависимостью (*холопство*), землевладением, налогообложением и местным управлением. Было подтверждено обещанное изъятие служилой знати из-под юрисдикции провинциальных начальников. В целом новый Судебник вводил более суровые меры по сравнению с Судебником 1497 года: преступления против короны и измена карались смертной казнью (ст. 61). Столь же недопустимой считалась сдача города противнику. Упорядочение отправления правосудия в провинциях предусматривало повышение ответственности местных старейшин (*губные старосты*) за поддержание порядка в центральной России, как повелось с момента боярского регентства (1539). Налоги и жалование, выплачивавшиеся членам местной администрации, отныне устанавливались грамотами, издаваемыми для каждой местности²⁰.

Одной из важнейших была ст. 85, подобных которой в прежнем кодексе не имелось. В ней содержался закон, оговаривающий право выкупа свободной от повинностей родовой земли, которая была ранее продана, и оговаривались условия, при которых родственникам разрешалось ее выкупать. В данном случае речь шла об ограничении свободы использования земли боярами и дворянами. (Следует иметь в виду, что собственники аллодиальной земли в любом случае не могли свободно располагать ею, так как обычно их право ограничивалось семейными и родовыми притязаниями)²¹.

Отражала ли эта политика победу служилой знати над боярами? Или, быть может, она отражала победу правящего класса в целом — он стремился упрочить свои права на владение землей — над царем? Пос-

ле 1497 года Владимиро-Московское княжество поглотило множество уделов и княжеских владений, присоединило немало крупных городов и аннексировало земли в Литве. Система прав на землю оставалась крайне запутанной. Были земли, принадлежавшие царю, конфискованные земли, удельные земли, издавна принадлежащие князьям Рюриковичам, земли, вновь пожалованные великими князьями (Иваном III, Василием III) вместе с некоторыми судебными или военными привилегиями, связанными с суверенной властью, в удел членам правящей фамилии или их родственникам, а также православным князьям, выехавшим из Литвы в Россию²².

Способ управления страной с помощью дворцов или палат, отвечающих за отдельные княжества, закреплял раздробленность судебной системы. В ее оценке русские и советские историки также расходятся²³.

Итак, новый свод законов охватывал область уголовного права, гражданского права, вопросы зависимости и некоторые аспекты законодательства о собственности. Особый интерес представляет конституционный характер этого документа: было объявлено, что он действует по всей стране. В дальнейшем тяжбы на всей территории должны рассматриваться с помощью этого Судебника. Впервые в России было заявлено, что *право* в смысле норм, подлежащих соблюдению при обращении в суд и осуществлении его деятельности, вытекает исключительно из законодательства. Если возникал спор, решение которого не предусматривалось в законе, следовало обратиться в высшую инстанцию. В кодексе не говорилось, кому принадлежит инициатива: истцу, защитнику или судье, но в целом судебный процесс в России был дознавательным, а не обвинительным, хотя инициатором расследования обычно становился потерпевший, а не царь, за исключением дел, связанных с нарушением общественного порядка, разбоем, изменой и т.п. Если требовалось издать новый закон, его должен был принимать царь, с согласия бояр добавлявший его к прочим; таким образом, Судебник становился развивающимся и гибким инструментом власти. Однако, как и в большинстве других стран, закон оставался трудноприменимым там, где не удавалось контролировать его исполнение, так что вина или невиновность сторон на Руси все еще могли доказываться судебным поединком (статьи 6–7 Судебника 1497 года и 11–14 Судебника 1550 года). К тому же, как и в Англии, и во Франции, высшей инстанцией при подаче апелляций оставался монарх.

Разумеется, русские историки пытались определить, какую роль в законодательстве того времени играла Боярская дума. Дума не была представительным органом, даже в зачаточной стадии, это было совещательное учреждение, имевшее некоторые судебные и исполнительные функции (напоминавшие английский Тайный совет при Тюдорах)²⁴.

Зимин полагал, что Боярская дума была «представительной», и заключал из этого, что царь не мог издавать законы без ее согласия²⁵. В самом деле, многие важные решения принимались совместно царем и боярами, но это не означает, что власть царя была ограничена представительным учреждением. Выражение «закон принят царем и одобрен боярами в Думе» являлось чисто условной формулой. Только царские указы имели силу закона. В целом царь и бояре действовали совместно в интересах всей страны, и весьма вероятно, что основная работа по обдумыванию, подготовке и составлению важнейших законов возлагалась на чиновников, компетентность которых постоянно росла, дьяков, остававшихся в тени, но иногда выходивших на сцену, когда их производили в советники, а то и казнили.

Новый свод законов должен был действовать на всей территории страны с момента опубликования (но не имел обратной силы); в случае выявления дел, по которым в нем не было решений, о них следовало докладывать царю, который с согласия бояр мог дополнить Судебник. Этой существенной оговоркой подчеркивалось всенародное значение кодекса, и некоторые историки усматривали в ней указание на право бояр участвовать в законодательной деятельности в качестве «одобряющей» инстанции, т.е. на их конституционные функции. Но тем самым чрезмерный вес придается формуле, существовавшей задолго до того, как для реализации этого принципа было создано некое учреждение. Затем Судебник был представлен на одобрение Церковному и Земскому собору 1551 года²⁶.

В то время было создано несколько совместных Церковно-земских соборов, на которых были представлены также члены Боярской думы. Впервые Церковный собор был созван в период с сентября 1548 по февраль 1549 года; Иван на нем не присутствовал²⁷. Одной из главных целей Собора была канонизация тридцати девяти русских святых, как церковных, так и светских деятелей. Тем самым выполнялась поставленная Макарием задача «русификации» корпуса святых, пекущихся о духовном благополучии России. Канонизация была не совсем формаль-

ным процессом, и многие из местных князей-воителей, святых монахов и монахинь неофициально уже обладали нимбами. Макарий, очевидно, хотел собрать под эгидой Москвы ее покровителей, которым могли бы молиться верующие в пределах нового, объединенного царства. Отмечалось, однако, что в новый пантеон не вошли многие московские святые. Также Макарий был убежден в необходимости упорядочения богослужения, которое было в обиходе русской церкви; чуть ли не каждый князь и епископ считали возможным допускать отклонения от правил. В то время как во всей Европе разгорался религиозный конфликт, перед Русской церковью также встала задача наведения порядка в собственном доме, ибо отсутствие дисциплины и недостойное поведение духовенства вызывали сильное недовольство²⁸.

За первым Церковным собором последовали еще два, несомненно, созывавшихся Макарием, а в феврале 1551 года открылся Всецерковный собор для обсуждения ряда религиозных вопросов, очевидно, подготовленных заранее и разработанных разными людьми, в том числе, возможно, царем и Сильвестром²⁹.

Иван, всегда охотно сопровождавший свое появление на публике драматическими эффектами, воспользовался случаем обратиться к собравшейся толпе, снова просил у нее прощения и снова бранил боярское правление в годы его молодости, в особенности за жестокость, с которой бояре осмелились схватить и казнить его дядей, князей Юрия и Андрея Ивановичей³⁰.

Но у Собора были и более серьезные задачи.

В XVI веке, несмотря на огромное влияние Иосифо-Волоколамского монастыря (а быть может, именно поэтому), значение монастырей ослабевало, а церковной иерархии усиливалось. Отчасти это явилось, вероятно, результатом все более разгоравшихся споров о монастырской собственности, распространявшейся на обширные земельные площади. (Этот вопрос особенно обострился в 1530 – 1540 годы, так что можно лишь гадать о том, не доходили ли до Русской церкви сведения о конфискациях церковных земель и разрушении монастырей в протестантской Европе, хотя никаких письменных сведений о ее реакции у нас нет.)

В середине шестнадцатого века церкви принадлежало около трети освоенных земель, хотя некоторые монастыри были так бедны, что монахи ходили в лохмотьях и побирались на улицах³¹.

Конечно, никаких законных препятствий для монастырского землевладения в России в принципе не было, так как земельная собственность не являлась привилегией одного класса или социальной группы, как это было в восемнадцатом столетии. В конце концов, основой существования монастырей всегда была земля, а не деньги. Как стяжатели, так и нестяжатели считали, что земля и другие богатства, принадлежащие монастырям, должны служить целям благотворительности и благочестия, но одни думали, что монастырская жизнь предполагает аскетическую бедность, а другие — что Церковь нуждается в подходящих средствах, чтобы исполнять свои религиозные обязанности. Многие из принадлежавших ей земель были приобретены в уплату за поминовение усопших, но некоторые монастыри сконцентрировали достаточно средств, чтобы выступать в качестве заимодавцев. В условиях России середины шестнадцатого века вопрос стоял не столько о конфискации всех церковных земель, сколько об ограничении земельных владений Церкви в пользу нового военного служилого сословия.

В это время заметную роль в кулуарах указанной дискуссии по-прежнему играл влиятельный персонаж русской монастырской жизни Максим Грек. После смерти Елены Глинской в 1538 году его положение значительно улучшилось. Митрополит Иосиф, наследовавший Даниилу, относился к Максиму благосклонно, а митрополит Макарий — и более того. Хотя предположительно он был сторонником Иосифа Волоцкого, Макарий явно не одобрял того, как обошлись с Максимом, которому на протяжении семнадцати лет не разрешали причащаться³². Однако престарелый монах (ему было около восьмидесяти) не смог осуществить свое заветное желание — вернуться на гору Афон. Максим обращался к царю, а церковные деятели и светские лица хлопотали за него, и наконец, в 1551 году, по окончании Церковного собора, игумен Троицкого монастыря Артемий добился его перевода из Волоколамска в свою обитель, гораздо ближе к Москве. Говорят, что Максим направил Ивану предостережение, осуждающее монашескую алчность и владение землей; он оставался теньвым выразителем устремлений нестяжательского течения, представленного на Соборе в меньшинстве, хотя иерархи, осуждавшие стяжание, пользовались бóльшим моральным авторитетом³³.

Митрополит Макарий занялся заполнением пробелов в жизни Церкви с тем, чтобы повысить авторитет церковной иерархии среди монастырей и духовенства и восстановить надлежащее соблюдение правил

бедности, послушания, трезвости и целомудрия. Неясно, в какой мере инициатива постановки этих задач принадлежала самому Ивану, и какое участие он принимал в выработке вопросов, выносимых на обсуждение, хотя в некоторых из них отразился его иронический склад ума, во всяком случае, обращение ко многим из указанных проблем неизбежно вело к напряженности и персональным конфликтам. Многие историки предполагали, что Сильвестр принимал активное участие в разработке вопросов, а возможно, и ответов, однако современные исследования показывают, что он не был единственным представителем клира. Во всяком случае, никаких свидетельств о его участии и даже о его присутствии не сохранилось.

Общий документ, представленный Собору от имени царя, делился на сто глав (отсюда его распространенное название Стоглав). Обсуждаемые в них предметы охватывают несколько тем: взаимоотношения церкви и государства, в том числе поступления от церкви в казну, сохранение судебной автономии церкви и духовенства, а также ограждение их земель от конфискации в пользу царя; искоренение бесчинств, коррупции и распущенности монахов и приходских священников; унификация церковной службы; определение общественных обязанностей церкви, например, выкупа пленных (тяжелое и дорогостоящее предприятие), раздача милостыни и образование; духовное и моральное воспитание верующих и борьба с ересями и ведовством. Ряд вопросов, поставленных самим Иваном, содержался в 5-й (тридцать семь) и 41-й (тридцать два) главах, а ответы на них давались в следующих главах.

Царь открыл заседание сообщением о недавнем принятии Судебника и о реформах местного управления и законодательства. Он обратился к церковным иерархам с призывом осуществить подобные же преобразования и в жизни Церкви³⁴. Прежде всего он просил собравшихся удостовериться, что колокола в их церквях и домах звонят правильно, а обедню служат в соответствии с принятым порядком. Такого же характера были и многие другие вопросы, относящиеся к поведению у себя дома и на людях священников и монахов, а также богомазов, которым следовало быть благочестивыми и обучать своих подмастерьев. Переписчикам и переводчикам богослужебных книг вменялось в вину то, что они допускают ошибки, тиражируемые в церковных службах, при том, что преподавание чтения и письма оставалось в небрежении.

Однако задача просвещения общества возлагалась не на монастыри, а на белое приходское духовенство³⁵.

В 26-й главе Стоглава особо предписывалось отыскивать в Москве и других городах достойных женатых священников и диаконов, пользующихся уважением, имеющих страх Божий в сердце и, кроме того, умеющих читать и писать, чтобы они собирали у себя дома детей и обучали их пению псалмов и чтению с аналоя³⁶.

Вопросы с 1-го по 37-й в 5-й главе рассматривали отдельные случаи дурного поведения и небрежности клириков, представляющих как черное, так и белое духовенство, причем ответы давались в нижеследующей части документа.

Они представляют интерес, благодаря тому, что освещают бытовые вопросы поведения в церкви, — например, отношение к пьянству, (вопр. 17), к ношению *тафьи* (мусульманской тубетейки) или шапки в храме (в ответе, естественно, запрещалось как безбожный магометанский обычай (гл. 39)), а также к допущению возлияний, пиров и увеселений в зданиях, воздвигнутых для молитвы и отпущения грехов (вопр. 21)³⁷.

Обсуждались многие вопросы церковной обрядности и в то же время правила вступления в религиозную жизнь, запрещение монахам и монахиням жить под одной крышей или просить подаяние на улицах. В вопросе 15 документа отмечается большой размах дарений земли монастырям для поминовения жертвователей в монашеских молитвах, а также распространенность покупки монастырями земли. Спрашивается: справедливо ли, что монахи эксплуатируют земли и торгуют в городах? На кого обрушится кара за это в Судный день? Дозволяет ли Священное писание отдачу денег в рост?

Бритье бороды и ношение иностранного платья светскими лицами рассматриваются в вопросе 25. *«В нынешнее время люди, называющие себя христианами, в возрасте тридцати лет и старше, бреют головы, бороды и усы, и носят платье и наряды иноверного покроя; как же теперь отличить, что они христиане?»* Считается, что русские очень дорожили своими бородами, но можно задать вопросом, насколько это верно. Поразительно, что на миниатюрах, иллюстрирующих некоторые летописи и воспроизведенных во множестве книг, изображено немало безбородых людей. Создается впечатление, что это молодые люди, поскольку старшие и духовные лица носят бороды. В одной из

книг, послуживших источником для данной работы, приводится миниатюра, на которой царь Иван, издающий указ 1556 года, окружен десятью фигурами, чьи лица можно различить³⁸. Шесть человек из участников сцены, включая царя, не имеют бород — действительно, царь никогда не изображался с бородой. На тех немногих портретах, которые считаются изображениями реальных лиц (дьяк Мишурин, Борис Годунов), последние не имеют бород. Следовательно, вполне допустимо, что бритье бороды было гораздо более распространено, чем принято думать, и что постоянное повторение запрета на брадобритие было вызвано необходимостью обеспечить действительное соблюдение общей нормы³⁹.

Бритье бороды и усов было тесно связано с содомией — проблемой, которая особенно будоражила умы духовенства и обсуждалась в главе 5, вопросе 25 Стоглава, а также составляла содержание довольно краткой 33-й главы, где упорствующим в грехе угрожали отлучением и исключением из лоно Церкви. В вопросе 29 5-й главы осуждались верующие, не пожелавшие покаяться в многочисленных и тяжких грехах: блуде, прелюбодеянии, содомии, несправедности и гордыне, а также зависти. Почему ветхозаветный Господь погрузил в воды потопа весь мир, кроме Ноя? Почему Содом и Гоморра погибли в пламени? И почему Господь предал Царьград (Константинополь) неверным и безбожным туркам? Содомия считалась пороком богатых, и притом особенно опасным, ибо все общество могло подвергнуться наказанию за грехи отдельных лиц⁴⁰. Думали, что бритье ведет к содомии, потому что лицо мужчины становилось круглым и гладким, как женское⁴¹.

Стоглав также устанавливал брачный возраст: пятнадцать лет для мужчин, двенадцать для женщин — и подтверждал запрещение, восходящее к императору Льву VI, на заключение брака более чем дважды⁴².

Сохранение независимой юрисдикции церкви над клириками, а также в подведомственных ей областях, таких, как заключение браков и составление завещаний, обосновывалось простой ссылкой на Константинов дар папе Сильвестру в четвертом столетии⁴³.

Еще одно политическое новшество этого времени имело более серьезное значение с точки зрения эволюции взаимоотношений царя с классом землевладельцев и войском. На протяжении четырнадцатого и в начале пятнадцатого века главную часть войска составляла конница,

базировавшаяся в основном на княжеских уделах и не имевшая централизованного устройства. В середине шестнадцатого века такие частные княжеские армии если где-то и сохранились, то только в уделах литовского происхождения, таких, как владения Бельских и Милославских, или в окружении русских «служилых» князей с верховьев Оки, таких, как Одоевские и Воротынские⁴⁴.

Создание русской армии, подчиняющейся одному великому князю, началось в царствование Ивана III, который уже занимался распространением великокняжеской власти на вооруженные силы, успешно присоединяя новые княжества и разрушая их автономное устройство. Князья и бояре, не выступавшие в качестве местных воевод и начальников, обычно становились военачальниками и старшими командирами великокняжеских полков в соответствии со своим рангом, продиктованным системой иерархии, или местничеством. Общий поток служилой знати, имевшей смешанное социальное происхождение, постепенно распределялся на тех, кто служил непосредственно великому князю в качестве членов его двора, получая землю в служилое держание (помесья) и смешиваясь с массой дворян, то есть будущей служилой знати, и тех, кто служил местным князьям и боярам и продолжал нести свою службу как провинциальный помещик. Таким образом, низшие кавалерийские начальники были привязаны к провинциальным городам, жили в своих владениях и по мере надобности созывались великим князем вместе с их слугами. Обе группы получали землю на условиях службы и на раннем этапе существования этой системы не имели права продавать или закладывать ее, но по смерти держателя она могла переходить к его сыну или зятю, способному нести службу. Исполняемая служба строго оговаривалась в зависимости от количества и качества земли.

Система поместий была предназначена для того, чтобы дать возможность конным воинам служить, когда их призывали, и оставалась главной формой оплаты кавалерийской службы вплоть до воцарения Петра Великого⁴⁵. Поместный приказ, отвечавший за набор и обеспечение землей конного войска, был основан в 1475 году. Дальнейшее распределение земли, происходившей из различных источников, в поместья осуществлялось при Василии III и Иване IV. Имение не переходило в собственность помещика, оно обеспечивало фиксированный доход для его содержания и снаряжения, но он не был обязан сам заниматься его эксплуатацией. Следовательно, помещик был не землевладельцем

в западном смысле слова, а пользователем земли, обеспечивавшей ему определенный доход. Таким образом, поместья значительно отличались от вотчин или наследственных имений, составлявших основу богатства аристократии и служилой знати и наследовавшихся многими помещиками в дополнение к земле, получаемой от правительства.

Первая попытка преобразования вооруженных сил, предпринятая при Иване IV, имела место в 1550 году. Царский двор насчитывал всего около трех тысяч человек, и теперь входившая в него группа из тысячи всадников, поделенная на три разряда, была обеспечена поместьями в центральных провинциях страны, чтобы они могли жить в Москве и получать все необходимое из своих имений, расположенных неподалеку от столицы. Эти люди должны были являться на службу в случае необходимости немедленно и дежурили поочередно. Земли, которыми они были наделены, происходили в основном из собственных владений царя или принадлежали свободным крестьянам в окрестностях Москвы⁴⁶. Алексей Адашев был одним из этих всадников.

При Иване был сформирован также корпус пехоты, оснащенной огнестрельным оружием. *Пищальники*, или аркебузиры, как называл их позднее английский путешественник Джером Горсей, в 1480 году уже использовались в несостоявшейся битве при Угре, а в 1550 году их заменили тоже пешие мушкетеры, или стрельцы. Последние, вместе с отборным корпусом из тысячи Ивановых всадников, составляли его личную гвардию и были предшественниками гвардейских полков Петра I, которым предназначалось, вероятно, оберегать его от мятежей, так напугавших царя в 1547 году⁴⁷. Стрельцы участвовали в военных действиях вплоть до правления Петра Великого. Они не должны были сражаться врукопашную холодным оружием или пиками, их задачей было вести бой с помощью огнестрельного оружия. Число стрельцов колебалось и в конце шестнадцатого века составляло, вероятно, примерно двадцать тысяч. В отличие от набираемой конницы, они являлись постоянным и регулярным войском. В отличие от османских янычар, это были свободные люди, в зависимости от своего звания они получали денежное и вещевое довольствие, но, кроме того, кормились и содержали свои семьи, занимаясь ремеслом и мелкой торговлей. Стрелецкие начальники принадлежали к дворянству и наделялись поместьями, а также получали жалованье. Корпусом в целом заведовал новый Стрелецкий приказ.

Артиллерия также широко и эффективно использовалась в России, и, возможно, Иван был лично заинтересован в производстве пушек (из добываемой в России железной руды) и в вооружении ими войска. В 1550 году к каждому полку было приписано определенное количество пушек. Иван взял с собой в поход на Казань 1552 года 150 тяжелых и средних артиллерийских орудий, так что в этом отношении Россия не уступала своим западным противникам, хотя ей приходилось ввозить порох и свинец и вражеская блокада могла отрезать ее от таких сухопутных поставок⁴⁸.

О том, откуда возникла идея создать стрелецкий корпус, в России много спорили. Понятно, что страна, которая вела войны с Польшей, Швецией и в Ливонии, нуждалась в более современной оружии, чем конница, использующая лук и стрелы, а именно — в ружьях и тяжелых пушках.

В истории существовала гипотеза о том, что нововведения могли быть заимствованы у турок благодаря сочинениям некоего Ивана Семеновича Пересветова, которого Иван IV, по всей вероятности, знал. Длительное время само существование Пересветова ставилось под сомнение, а его имя считалось либо вымышленным, либо псевдонимом целой группы лиц. Только в начале двадцатого века было доказано, что Пересветов действительно существовал⁴⁹. В 1950-е годы Пересветова, к сожалению, поставили в один ряд с крупнейшими мыслителями-гуманистами Европы шестнадцатого века, такими, как Макиавелли и Боден. До сих пор характеристика его человеческих и духовных качеств не подвергалась пересмотру, и трудно утверждать, что все приписываемые ему сочинения действительно принадлежат ему. Таким образом, вопрос о размере его влияния до сих пор остается открытым.

Пересветов родился и вырос в Литве, на границе между польско-католическим и русским православным миром; в качестве польского дворянина он предлагал свою службу то венгру Яну Заполье, османскому вассалу, то чешскому королю из дома Габсбургов, то воеводе Молдавии Петру IV Рарешу⁵⁰. Таким образом, это был довольно опытный кавалерийский офицер, имевший на службе шесть или семь коней с соответствующим числом конюхов и денщиков. Явно разочаровавшись в своих попытках продвинуться по службе и утратив доверие к боярам и их присным, в 1538 году, во время регентства Елены,

он попытался поступить на русскую службу. На эту мысль его могло натолкнуть пребывание в Молдавии, так как жена воеводы Петра была двоюродной сестрой Елены по мужу*. Пересветов попытался заинтересовать русский двор моделью изобретенного им щита «македонского» образца; его взял под покровительство боярин М. Юрьев-Захарьин, дядя будущей царицы Анастасии, который пожаловал его мастерской и поместьем. К несчастью, Захарьин умер, и Пересветов лишился покровителя. Интерес к его изобретению улетучился⁵¹.

В течение примерно десяти лет дела Пересветова шли все хуже и хуже, затем следы его вообще теряются. В этом нет ничего удивительного, поскольку он не располагал связями с каким бы то ни было боярским кланом в России, как и с дворянами, которые стремились объединяться в довольно закрытые местные союзы. Дойдя, по его собственным словам, до крайности, в 1549 году, когда был созван так называемый собор примирения, он подал личное прошение вместе с рядом других сочинений царю Ивану, обвиняя вельмож в том, что они отобрали у него землю и оставили голым и босым, даже безлошадным. Небеспочвенная надежда Пересветова достичь в России чего-то большего, где простой наездник мог теперь рассчитывать на звание помещика, не осуществилась, и этот исторический персонаж пропал из виду. Однако приписываемые ему разнообразные сочинения сохранились в ряде рукописных копий начала семнадцатого века, что привело к запоздалому признанию его действительного существования и значения как «выразителя» настроений дворянства, то есть обладателей поместий, в шестнадцатом веке противостоявших богатым и могущественным вельможам.

Такое понимание «классовой» роли Пересветова, которую якобы недооценивали дореволюционные историки, сильно повлияло на его значение для советской историографии.

Основными текстами, приписываемыми Пересветову, являются «О завоевании Царьграда безбожным царем Магметом Амуратовым, сыном турецкого царя», «Сказание о Магмет-салтане» и «Большая челобитная», где рассказывается о пяти месяцах, проведенных Пересветовым на службе у Петра IV Рареша, единственного православного из его покровителей⁵².

Победу Мехмеда II над последним императором из династии Палеологов, Константином, Пересветов в значительной мере приписывал

---

* Как было сказано выше (с. 61), их матери были родными сестрами.

себялюбия, трусости и бездарности «вельмож», окружавших императора, а также его отказу поддержать менее высокопоставленных воинов. («Богатый николи же воинства не гумает, мыслит о смирении и о кротости».) Он выступает за создание армии, набираемой, контролируемой и оплачиваемой из центра, наподобие турецких янычар, но он также утверждает, что свободные люди сражаются лучше, чем холопы, а русская конница состояла из свободных людей, в то время как янычары были рабами, как и все гражданские служащие при османском дворе. В России холопы, то есть зависимые люди разного статуса, применялись в то время в войске в основном на перевозке провианта, фуража и боеприпасов, а также на фортификационных работах⁵³.

Другим большим достоинством турецкой системы в глазах Пересветова была ее приверженность *правде*, а не *вере*, то есть истине или справедливости, а не религиозному благочестию. Это наводит на вопрос, а не сказались ли на чистоте православного исповедания Пересветова долгие годы, проведенные в чужих краях, до того как он приехал в Россию.

Смысл русского слова «правда» невозможно передать на английском, и в словарях почти всегда упор делается на понятие истины, в то время как в русском языке основным является понятие справедливости или праведности⁵⁴.

Наиболее четкое выражение идей Пересветова (если, конечно, это его идеи) содержится в его пересказе «Повести о молдавском князе Петре IV», который превозносит Мехмеда Завоевателя за то, что тот восстановил в Константинополе правосудие, и объясняет, что «*Бог не веру любит, а правду, то есть справедливость*». Через своего Сына он передал нам евангелие правды и полюбил христианскую веру превыше всех прочих вер, указав нам путь на небо. Но греки, при всем их уважении к евангелию, послушались других и не исполнили волю Господа, впав в ересь (т.е. приняв решение объединиться с Римом на Ферраро-Флорентийском соборе).

Однако Пересветова больше всего волновали практические проблемы управления воюющим обществом. Он выступал за учреждение профессиональной армии (наподобие турецких янычар, но свободной), за назначение военачальников государством и обуздание высшей знати. Трудно увидеть в нем выразителя чаяний дворянства, он, скорее, делает ставку на управление посредством угрозы, террора или устрашения. В

качестве образца снова приводится Мехмед, потому что, обнаруживая продажность своих судей, он приказывал заживо сдирать с них кожу и говорил: *«Есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отгаеца. И кожи их велел проделати, и велел бумагою набити, и в судебнях велел железным гвоздем прибити, и написати велел на кожах их: «Без тако-вья грозы правды в царство не мощно ввести»»*⁵⁵.

Другое похвальное качество Мехмеда — то, что он «грозный», наводящий ужас. *«Царь кроток и смирен на царстве своем и царство его оскудеет, и слава его низитя. Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям»*⁵⁶. «Как конь пог царем без узды, так царство без грозы»⁵⁷. Преклонение Пересветова перед эффективностью османского правления не выглядит чем-то необыкновенным для своего времени, скорее, это общее место для писателей в той части Европы, которая имела связи с Портой.

Для того чтобы стать «грозным», Иван не нуждался в советах Пересветова, и действительно, нет никаких доказательств того, что Иван IV когда бы то ни было читал его сочинения.

Если идея создания мушкетерского корпуса пришла в Россию извне, то наиболее подходящим ее источником оказывается, в самом деле, Молдавия, где воевода Петр Рареш⁵⁸ сформировал корпус мушкетеров, которые не были рабами, как янычары, а являлись свободными, как стрельцы, о чем Пересветову, разумеется, должно было быть известно⁵⁹. Таким образом, маловероятно, чтобы Пересветов как представитель дворянства оказывал какое-то влияние на политику Ивана в 1550-е годы.

Потребность в земле для ее распределения в качестве служилых держаний во многом объясняет закулисные стороны политики в России шестнадцатого века. Необходимость содержать войско с помощью выделения земель, вероятно, повышала заинтересованность великих князей в конфискации владений церкви и монастырей, а также богатых князей и бояр и создавала напряженность в среде служилой знати, которая стремилась получить землю и в результате политически противостояла магнатам с их большими имениями или уделами, которые тоже можно было конфисковать. Русские историки посвятили изучению этих политических разногласий множество пространственных дискуссий, в ходе которых были сделаны всевозможные и часто полностью противоположные выводы, основанные на очень скудных фактах. Предпо-

ложение, что главный политический водораздел в шестнадцатом веке проходил между «реакционным» или «консервативным» боярством, желавшим сохранить находившиеся в его руках земли и предотвратить «централизацию» государства, пребывающего в благотворной для них раздробленности, и служилым дворянством, поддерживающим абсолютного монарха в его прогрессивной борьбе против бояр за централизацию, в новейшей историографии почти полностью отвергается. Как бояре, так и служилая знать стремились владеть землей в обеих формах — *вотчинной* (на основе неограниченной собственности), что было намного предпочтительнее, и *поместной* (в качестве служилого держания), и обе эти социальные группы, до некоторой степени смешивавшиеся, потому что они происходили от связанных между собой семейных кланов, были заинтересованы в концентрации власти в руках центрального правительства. Однако поместья раздавались не только потомкам благородных царских слуг при московском дворе и при дворах удельных князей, но и придворным служителям, не имевшим чина, вообще свободным людям, и даже зависимым или холопам, а также чужеземцам, когда царь хотел расширить ряды своей конницы. В конечном счете, отвечать за все приходилось крестьянам.